

1. От котла парового к котлу атомному.

Ваня Ларин поступил в группу теплотехников Выксунского металлургического техникума с «первого захода» в послевоенном 1946 году, в отличие от автора этих строк, поступившего в техникум со «второго захода». В 1945 году, ещё не остывшем от военного лихолетья, на третьем, после русского языка и математики, экзамене преподаватель истории П.Р. Дунаевская посчитала меня слабым в знании «Конституции СССР», потому и недостойным быть в среде учащихся техникума. (Кстати, позднее она рекомендовала принять меня в члены партии)

Обучаясь в одной группе теплотехников, я и И.Ларин проводили вместе много времени. Недавно вспомнили о тогдашней нашей мечте заняться писательством (мы даже придумали псевдоним: «ЛарТо»).

Как-то уважаемый нами преподаватель физкультуры Василий Илларионович Нажиганов на занятие по физкультуре принёс дотолё неизвестные нам боксёрские перчатки: «боксируя», ребята азартно дубасили друг друга. Во время «боя» я умудрился поставить Ване фиолетовый «фонарь» под глазом. Но Ваня как настоящий друг не обиделся. Фонарь слинял, а дружба осталась.

Однако, я как теплотехник не состоялся: после 3-х семестров моя учёба прервалась из-за моего «бегства» в Одессу.

Группа ПСУ «А» 1-го курса на занятиях в физ. кабинете. На переднем плане справа налево: Миша Есин, Лена (Ляля) Щеглова, Толя Афонин, Толя Ванюков, Ваня Ларин, Коля Безруков Толя Торуннов во втором ряду позади Щегловой. В центре преподаватель физики М.П. Постников. 1947 год.

Вот что И. Ларин писал мне в письме от апреля 1948 года: «Выкса» живёт предрянно. Только с неделю стало меньше народа за хлебом, а то около двух месяцев была давка. Продуктов почти нет. У нас в техникуме за хлебом очень много народа. Если долезешь и получишь хлеб, то вылезешь с оторванными хлястиком и пуговицами».

В марте 1950 года, перед отъездом И. Ларина на преддипломную практику в г.Серов, комиссия по распределению выпускников техникума сделала ему неожиданное предложение – остаться в распоряжении Министерства черной металлургии, в подчинении которого находился техникум. После отъезда И. Ларина его отца, рабочего ВМЗ, вызвали к директору ВМТ для заполнения анкеты, при этом речь уже шла не о резерве Министерства, а о каком-то загадочном Главгорстрое.

В одном из писем с Урала в марте 1950 года И.Ларин пишет мне в Выксу: «Работал на котлах с механическими решётками. Адски устал. Всю смену, как мышь, мокрый был...Вообще-то, Толя, узнал, что это за прелесть – работа. Комбинезон солью покрылся весь. Знаю теперь, какой ценой достаются рабочие деньги».

В этом же письме, передавая привет моей любимой девушке Любе, в скобках заметил: «...завидую тебе, Толя, любить здорово умеешь...». Ваню, нашего свидетеля при регистрации брака, мы не подвели: без золотых колец и широкой свадьбы, но в любви и согласии я и Любовь Ивановна прожили вместе 54 года (в 2004 году супруга умерла).

2. Курчатовец – это звучит гордо

В августе 1950 года, после тщательных проверок с соблюдением строжайшей секретности, И.Ларин получил назначение в лабораторию измерительных приборов Академии наук СССР и «серьёзный», похоже как у работников госбезопасности, тёмно-красный пропуск - корочки с крупными золотого тиснения снаружи буквами «СССР» и большим гербом страны. В отделе кадров ему вручили направление в Теплосиловое хозяйство на должность лаборанта с окладом 800 рублей. С допуском в засекреченное предприятие И. Ларин получил и папку со статьями Законов и Указов о мерах наказания в случае разглашения государственной тайны.

В начале пятидесятых территория Лаборатории представляла сто гектаров площади, огороженной кирпичным забором. Внутри – несколько приземистых зданий, расположенных, в основном, по периферии и скрытых в роскошной зелени сада. Одно из зданий, с необычным именем «монтажка», обращало на себя внимание по причине отсутствия дверей, непрозрачности окон и входом через небольшой подземный тоннель. Что находилось в этом секретном здании – узнать было невозможно. Пропуск на посещение «монтажки» подписывал сам И.В. Курчатов или его заместитель. Даже лаборанты, участвующие в сборке графитовой сферы «атомного котла», не имели представления, что монтируется в здании. По случаю окончания сборки «котла» и его запуска И.В. Курчатов устроил банкет, радостное событие пуска посетил сам Берия – суть же события лаборанты не знали.

Охрана круглые сутки бдительно несла службу изнутри вдоль забора с участием сторожевых собак. Сотрудников было около тысячи. Все знали друг друга. Большинство – молодые люди. И. Ларина избрали в комитет ВЛКСМ: общественная жизнь в коллективе бурлила.

И. Ларина повысили в должности, стал мастером цеха с хорошим окладом в 1400 рублей (для сравнения: в 1951 году, работая мастером литейного цеха авиационного завода после окончания техникума, я имел оклад 1000 рублей).

Однако, И.Ларин чувствовал, что рядом люди делают что-то интересное и важное, а он – второстепенное. От работы по снабжению теплом и паром удовлетворения не испытывал. Поступив на вечернее отделение механического института, начал задумываться над тем, чтоб поменять паровой котёл на котёл атомный.

В декабре 1952 года И.В. Курчатов подписал приказ о назначении И. Ларина инженером-оператором службы петель Объекта 37, где начиналась круглосуточная работа по обслуживанию петли водяного охлаждения и предполагалось проводить реакторные испытания тепловыводящих сборок для активных зон атомных подводных лодок и ледоколов.

Технология топливных композиций, оболочек твэлов были не всегда удачными, часто происходило разрушение твэлов с выходом большого количества радиоактивных веществ в контур и помещение насосной петлевой установки. Такая авария требовала моментальной реакции для быстрой остановки реактора и расхолаживания воды в контуре петли (от 300 градусов до комнатной). В то время защитных средств и электроприводов дистанционного управления вентиляторами не было. Приходилось заходить в насосную и открывать вентили вручную. «Набираешь побольше воздуха в лёгкие, - вспоминает

И.Ларин, - забегаешь в насосную, где при этом была не одна тысяча доз по гамма-излучению и сотни доз по газовой активности, и, не дыша, крутишь маховик вентиля. Выбегаешь с выпученными глазами и дрожащими коленями. За такой сеанс набираешь, бывало, дозу облучения не на один месяц вперед.

Первое время операторы работали в своей одежде, не переодеваясь. Из спецодежды был только халат. В загрязнённой радиоактивностью одежде шли домой. После нескольких аварий всё в здании «светило». Содрали паркетный пол, убрали ковровые дорожки и мягкую мебель из кабинетов начальников.

У многих сотрудников Объекта к моменту, когда руководство сделало надлежащие выводы по безопасности работ и построило хороший санпропускник, уже проявилось переоблучение. «У меня, - вспоминает И.Ларин, - развилась стойкая лейкопения, с которой дважды лежал в Институте биофизики и несколько раз – в медсанчасти № 12. Диагноз при этом был таким: астеновегетативный синдром. Так в те годы зашифровывалась «лучевая болезнь». Факт перенесенной И. Лариным лучевой болезни официально был признан только через сорок лет.

В 50-60-е годы в Москве я часто встречался с И. Лариным, но ничего не знал о его работе и не спрашивал. Секретность соблюдалась идеально. Только исходя из места жительства, я догадывался о его принадлежности к Курчатовскому институту.

Первое моё знакомство с некоторыми подробностями работы И. Ларина в Институте атомной энергии произошло в мае 1963 года, когда он подарил мне с автографом текст доклада группы авторов Института, среди которых значился и И.Ларин, «Проекты повышения мощности реакторов ИРТ до 5000 Квт и расширения их экспериментальных возможностей» на Пражской конференции (май 1963г.) по мирному использованию атомной энергии.

Отдельные фрагменты данной статьи о трудовой деятельности И. Ларина после окончания техникума мною заимствованы из написанных им книг (из серии «Творцы ядерного века»): «Тяжелое бремя подвига» – очерк о жизни и деятельности академика И.В. Курчатова, изданный в 1996 году, и «Академик атомных дел» – книга об академике А.Н. Александрове, изданная в 1988 году к его 95-летнему юбилею.

22 июля выпускнику Выксунского металлургического техникума «Заслуженному ветерану Института атомной энергии им.Курчатова» Ивану Ивановичу Ларину исполняется 70 лет. Из них 40 лет, как он считает- это «дар неба», проработал в Курчатовском институте.

В последующие 10 лет И.Ларин является сотрудником журнала Президиума РАН «Энергия», заведует отделом техники. Продолжает работать над третьей книгой из серии «Творцы атомного века».

Приход в журналистику был для И. Ларина неслучайным. Работа над книгами о творцах ядерного века, оставивших яркий след в истории развития реакторной науки и техники, - закономерный итог его деятельности в Курчатовском институте. Являясь многие годы членом атомного сообщества, И.Ларин принимал непосредственное участие в расчётах, строительстве и эксплуатации ядерных реакторов. Из-под его пера вышли ряд научно-технических отчётов и докладов на научных конференциях, в том числе и международных, о проделанных исследованиях теплофизических характеристик энергетических реакторов.

За создание реактора с прямым преобразованием тепловой энергии деления урана в электрическую И.Ларин получил звание лауреата Курчатовской премии. За создание другого реактора – награждён Золотой медалью ВДНХ.

Свою первую книгу «Тяжкое бремя подвига» И. Ларин закончил словами: «Курчатовец – это звучит гордо».

Одна из глав книги «Академик атомных дел» посвящена чернобыльской трагедии 1986 года. И. Ларин пишет, что к этой аварии страна шла годами, чему способствовало чрезмерное засекречивание всего и вся, а также никудышная исполнительская дисциплина. Приводит пример «работы», выполненной Героем Социалистического Труда по сварке труб первого контура Кольской АЭС: сварные швы оказались непроваренными, забитыми электродами

P.S. И. И. Ларин очень сожалеет, что не пригласили на 70-летие ВМТ.

“Провинциальная хроника”, июль 2001 г.